

...желая лучше понять тонкость использования эпизодов прошлого в общественном пространстве, необходимо обсудить не только важность памяти, но и важность культуры памяти. Последнюю... нужно считать коренящейся в ранних эпохах и уже потерявшей культурно-политическую актуальность, но до сих пор имеющей сильное влияние на общественную ориентацию в настоящем.

А. Никжентайтис

*Альвидас Никжентайтис
(Вильнюс, Литва)*

МОДЕЛИ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ: ПОЛЬША, ЛИТВА, РОССИЯ, ГЕРМАНИЯ

В последнее время, когда речь заходит об использовании образов прошлого в общественной жизни, употребляются разные термины: «политическая история», «историческая и культурная память». Такое разнообразие терминов в гуманитарных науках по отношению к новому для них объекту изучения отчасти понятно: никто не имеет права заставлять исследователя выбирать тот или иной конкретный термин. С другой стороны, это разнообразие при изучении одной и той же проблематики часто усложняет научный диалог, в котором участвуют представители разных дисциплин. По этой причине, перед тем как приступить к анализу проблематики использования прошлого для целей настоящего, все же необходимо напомнить значение употребляемых теоретических понятий.

Термином «культурная память» называются определенные постоянно акцентированные в обществе сюжеты и образы прошлого, при помощи которых общество создает и укрепляет свое самосознание, характеризует себя как отдельную группу. Таким образом, уже само значение этого термина, которому, наверное, воспротивились бы исследователи, употребляющие понятия «политическая история» и «историческая память», говорит о том, что речь идет об использовании прошлого для настоящего и прогнозирования будущего. В свете такого аспекта интерпретации прошлое теряет свой исторический момент (если мы все еще признаем историю наукой) и совершенно отрывается от познания прошлого. Специфическая черта культурной памяти —

ее институционализм и ритуализм, формируемые путем политического регулирования. Институционализация памяти и политическое регулирование проявляются не только через решения государственных органов по поводу государственных праздников, названий улиц и тому подобного, но и через государственный заказ на исследование определенных проблем прошлого, их освещение в СМИ, а также создание специальных институций для изучения определенных проблем. Центр исследования геноцида и сопротивления в Литве, Институт народной памяти в Польше или Институт современной истории в Германии — типичные образцы создания культурной памяти и институционализма. В целом нужно согласиться с положением, утверждающим, что неполитизированной культуры памяти не может быть в принципе [1].

С другой стороны, констатируя тесные связи культурной памяти с политикой, следует обратить внимание на то, что такая связь делает первую очень ранимой. Во время больших социальных разломов культура памяти радикально трансформируется, в чем нетрудно убедиться, наблюдая за ситуацией в посткоммунистических странах после 1989—1991 годов. Такие тенденции, кстати, характерны не только для новейшей истории, но и для древних эпох, что убедительно показала работа одного из теоретиков, занимающихся проблемой культурной памяти, Яна Ассмана, исследовавшего древние цивилизации [2].

Но даже государствам и обществам, которые живут относительно нормальной жизнью, это их состояние не обеспечивает стабильность культурной памяти. Так как культура памяти напрямую связана с общественной идентичностью, она неизбежно меняется, часто сама становится причиной изменения идентичности. Таким образом, исследования культуры памяти требуют применения принципа историзма, а это заставляет задуматься о судьбе доминировавших ранее культур памяти. Несмотря на очевидный факт того, что после 1990 года создаваемая в Центральной и Восточной Европе новая культура памяти должна была заменить ранее существовавшую, отдельные ее сегменты, как показывают проведенные, например, в Литве исследования этой проблемы [3], интегрируются в новую официальную память; то есть какая-то часть прежней памяти полностью исчезает, но при этом мы часто сталкиваемся с таким случаем, когда старая культурная память существует рядом с доминирующей в настоящее время.

Немецкий историк Дитер Лангевише, рассматривая национальные мифы, наблюдал похожую ситуацию в Бельгии. В этой стране различие в идентичности валлонов и фламандцев опирается на миф, в центре которого оказались события Второй мировой войны, однако при

этом не менее важную роль сыграли и события Средних веков, названные автором вторым национальным мифом, оказывающим важное влияние на идентификацию данных народов Бельгии. Параллельное существование этих двух мифов позволило исследователю назвать миф, связанный с военными событиями Второй мировой войны, основным (Gründungsmythos), а с историей Средних веков – его поддерживающим [4].

Так как в случае с культурой памяти мы, кажется, сталкиваемся с аналогичной ситуацией, то нужно и здесь выделять два типа культуры памяти, называя актуальную на данный момент в конкретной стране память доминирующей, а ранее существовавшую – культурным воспоминанием, как это уже издавна делается в англосаксонском мире и в немецкоязычном пространстве [5].

Отметим, что соотношение между памятью и культурным воспоминанием не обязательно должно быть поддерживающим друг друга, они могут оппонировать друг другу. Такая ситуация хорошо известна обществам стран бывшего коммунистического блока, когда до великих перемен доминировавшей культуре воспоминаний была противопоставлена другая, сформировавшаяся ранее, до коммунистического периода, память. Не случайно после крушения коммунизма именно память раннего периода, хоть ненадолго, опять становилась доминирующей. Такая ситуация не является новой для исследователей и более широко известна как теория возвращения к естественности [6]. Так, нынешняя Беларусь представляет собой живой пример того, как культура памяти, основанная на мифе Партизанской республики, вступает в серьезное противоречие с памятью, основанной на сюжетах прошлого Великого княжества Литовского, кратковременно доминировавшей в Белоруссии в долукашенковский период [7]. Таким образом, при проведении сравнительного анализа культуры памяти в Польше, Литве, России и Германии необходимо сравнивать не только память, но и культурные воспоминания.

Какая культура памяти формируется в Польше, Литве, России и Германии?

Содержание культуры памяти в конкретном государстве лучше всего познается по доминирующим ритуализированным нарративам. Хотя часто утверждается, что, особенно в демократических государствах, большой нарратив разделился на множество более мелких историй, это утверждение неправомерно по отношению к обсуждаемым государствам.

Хотя в Польше и в Литве народная идентичность, пересоздающее и стабилизирующее ее главное толкование имеют широкую и конкретную историческую основу, все же нетрудно заметить, что в центре большого нарратива оказались события, тем или иным образом связанные со Второй мировой войной и первым послевоенным десятилетием.

Как заметили польские исследователи, центральным пунктом польской культурной памяти является Варшавское восстание 1944 года [8]. Но это не означает, что исключительно это повествование доминирует в Польше. Основное свойство большого нарратива заключается в том, что в нем в едином рассказе переплетаются разные истории, связанные между собой общими как внутренними, так и внешними сигналами. Таким образом, рассказ о Варшавском восстании в Польше тесно связан с другими историями: убийством польских офицеров в Катыни в 1939 году, пактом Молотова – Риббентропа, первой и второй советской оккупацией, послевоенными депортациями и деятельностью Армии Крайовой во время войны и в послевоенные годы. Точки соприкосновения этого большого польского нарратива с настоящим временем наблюдаются не только в связи с пониманием настоящего времени через историю прошлого (ср. слова бывшего и нынешнего министров обороны, сопоставляющих пакт Молотова – Риббентропа с проектом «Северный поток» [9]), но и через постоянную актуализацию этих событий. Так, например, в 2009 году нападение на Польшу и начало Второй мировой войны отмечалось вместе с 20-летием краха коммунизма.

Похоже, структура литовского большого нарратива и культуры памяти отличается от польской модели только разной степенью важности тех же событий. Без всякого сомнения, в литовском большом нарративе, который можно назвать историей потери литовской независимости, центральное место занимает пакт Молотова – Риббентропа. А эта история тесно связана с оккупацией и аннексией Литвы в 1940 году, депортациями в Сибирь, так же как и с сопротивлением местных отрядов Повиласа Плехавичюса (Павла Плеховича), и с историей борьбы партизан после войны.

В России создаваемая модель культуры памяти похожа на французскую и немецкую, в которой культурная память формируется на основе одного события, наполняемого разным содержанием. В случае с Россией это Вторая мировая или Великая Отечественная война, точнее, момент победы в этой войне [10; 11].

В Германии, несмотря на то, что в последнее время культурная память начинает меняться [12], доминирует проблема Холокоста. В этой памяти особенно акцентируется чувство вины немцев, в первую очередь за уничтожение евреев.

В целом можно сказать, что в Польше и Литве внушаемая общественности культурная память акцентирует момент жертвы, в России — победы, в Германии — преступления. При этом во всех случаях культурная память выполняет важную роль в идентификации своей группы и установлении ее отличий от другой. Для русских «свои» — это бойцы Красной Армии, а также настоящие или воображаемые союзники, которые до и после победы играли только вспомогательную роль. «Чужие» — это все «фашисты», в том числе и государства — союзники гитлеровской Германии, включая нынешние страны, представители которых сотрудничали с нацистами. Именно факт сотрудничества части литовского общества с гитлеровской Германией стал одним из поводов включения Литвы в круг недругов России [13], хотя настоящие причины этого лежат в нынешних межгосударственных отношениях России и Литвы.

Использование истории Второй мировой войны, как и в других подобных случаях, когда прошлое служит интересам современной политики, имеет целью создать то или иное отношение к соседнему государству.

Такой вид модели культурной памяти России подтверждает миф Победы как центральной фигуры русской культурной памяти в отношениях с Польшей. Формально Польшу нельзя отнести к категории пронацистских государств и обществ. Как хорошо известно, Польша стала одной из первых жертв агрессии гитлеровской Германии; несомненно и сопротивление польского общества оккупантам, и достаточно небольшой уровень сотрудничества с оккупационной властью. Несмотря на все эти исторически объективные причины, Польша также относится к категории «нехороших» государств, что объясняется памятью о Победе во Второй мировой войне. Победитель или освободитель всегда прав. Миф Победы как таковой не оспаривается в случае его безоговорочного принятия. Дискуссии, например, о цене победы и способах ее достижения, сталинских репрессиях или участии СССР в развязывании Второй мировой войны и прочем разрушали бы миф Победы и тем самым — всю культурную память России. Именно замалчивание этого момента культурной памяти России, основанной на мифе Победы, и обуславливает принадлежность Польши к категории «нехороших» государств. Польша, поднимая вопросы о Катыни, а самое главное, о первой и второй оккупации страны, замахивается на культурную память России. Именно из-за этой опасности в России время от времени оспаривается антинацистская ориентация Польши,

появляются абсурдные обвинения ее в начале Второй мировой войны [14] или — в поисках объяснения агрессии гитлеровской Германии — обвинение Польши в ее неподобающем поведении по отношению к национальному меньшинству немцев.

Перечисляя проблемы, которые в отношениях с соседями создает формируемая на данный момент в России культурная память, в то же время нельзя забывать и о польском империализме, о котором говорил Юлиуш Мирошевич. Его высказывание можно отнести и к литовской стороне. Этот термин польский интеллектуал использовал в 1974 году, обсуждая зарубежную политику будущей посткоммунистической Польши и побуждая поляков стремиться к восстановлению независимых и демократических государств Украины, Белоруссии и Литвы. Его слова «Мы не можем занять позицию, согласно которой великорусская программа — империалистическая, а восточная польская программа, напротив, не является никаким империализмом, а лишь возвышенной ягеллонской идеей» [15] хорошо характеризуют те проблемы, которые поднимает формируемая память в межгосударственных отношениях в Литве и Польше.

Нет сомнений в том, что литовская и польская модели памяти имеют ярко выраженную антироссийскую направленность — иными словами, воспоминания о действиях Советов поощряют эти страны проводить политику, направленную против России. Имеются в виду не только события, связанные с историей 70-летней давности, такие как требование Литвы возместить ущерб, нанесенный оккупацией, но и активная поддержка Грузии и Украины со стороны как Литвы, так и Польши.

Антироссийские настроения хорошо заметны во время разных государственных праздников, когда вспоминается ущерб, нанесенный советским периодом. Только в Литве таких праздников и памятных дат несколько. В настоящее время в Литве официально отмечается день памяти пакта Молотова — Риббентропа, годовщины оккупации Литвы и первых депортаций [16]. Антироссийский характер носит и недавно появившийся День памяти геноцида литовцев Пруссии. Список памятных дней пополняется такими датами даже в том случае, когда они не имеют никакой исторической основы. Так, например, для Дня памяти геноцида литовцев Пруссии выбрана отмеченная кровавыми событиями дата, когда ворвавшиеся в Немерсдорф (Восточная Пруссия) отряды Красной армии истребили немалую часть жителей этой деревни [10, с. 47—50], среди которых, вполне вероятно, не было ни одного человека литовского происхождения.

Но было бы неправильно утверждать, что акцентирующая комплекс жертвы культура памяти Литвы и Польши направлена исключительно против России. Можно говорить не об одном случае, когда такое формирование памяти общества не консолидирует, а разъединяет его. Литовцы и поляки из-за естественной конкуренции среди моделей культурной памяти жертвы имеют склонность игнорировать Холокост, в основном концентрируясь на своих потерях. Большинству членов этих обществ особенно трудно принять те эпизоды прошлого, где литовцы и поляки были не жертвами, а палачами. Дискуссии по поводу убийств евреев в Едвабне и участия поляков в них — это эпизод истории Польши [17], но оценка поляками и литовцами похожих событий почти идентична.

Балтийские страны, в том числе и Литва, отличаются от других соседей России своими жесткими требованиями к восточному соседу признать и осудить проведенную в 1940 году оккупацию, но вместе с тем они не видят никаких проблем в том, чтобы хранить память о совершенных ими в прошлом насильственных действиях. Так, например, в списке памятных дней в Литве нашлось место для так называемого Клайпедского восстания 1923 года — тогда Клайпедский край был захвачен немцами, которые, скорее всего, последовали примеру польского генерала, занявшего в 1920 году Вильнюс, предварительно согласовав свои действия с большевистской Россией и Германией [18].

Часто в Литве не стыдятся вспоминать введение литовского войска в Вильнюс в 1939 году после разгрома Польши, когда город и край были переданы литовцам. Документальные кадры этих событий несколько лет тому назад были использованы тогдашним лидером вильнюсских социал-демократов и нынешним лидером ультралевой партии «Фронт» Альгирдасом Палецкисом в период предвыборной кампании в Вильнюсское самоуправление.

Культура памяти Германии, хотя и основывается на факте признания вины, из-за некоторых возникших перемен вызывает тревогу в Польше. Увеличившееся в Германии внимание к собственным жертвам Второй мировой войны, несколько изменившийся взгляд на Гитлера считаются в Польше доказательством того, что Германия опять может стать агрессивным соседом. Подтверждением таких тенденций считается деятельность немецких землячеств, особенно требования некоторых из них к Польскому государству вернуть присвоенное после Второй мировой войны имущество [19].

В суждениях о культуре памяти Польши иногда возникает вопрос, что она больше акцентирует: героическое прошлое или обиды про-

шлого [20]? Но такая постановка вопроса необоснованна, если иметь в виду то обстоятельство, что любая культура памяти, конструируемая принципом жертвы, имеет и элементы героизма. В случае с Польшей уже сам центральный эпизод памяти — Варшавское восстание, судя по тому, как оно представлено в специально посвященном этому событию музее, несет в себе мотивы как жертвы, так и героизма. Познакомившись с экспозицией выставки, одна немецкая исследовательница довольно точно подметила, что посетитель может задаться обоснованным вопросом об исходе этого восстания [21]. Такая логика экспозиции является достаточно обоснованной с точки зрения стратегии культуры памяти Польши: в образах Варшавского восстания прекрасно гармонирует комплекс жертвы (поражение восстания) и героическое сопротивление (действие Армии Крайовой во время восстания).

Такая же конструкция наблюдается и в культурной памяти Литвы. Здесь, наряду с акцентированием потери независимости как альтернативы мученической истории, делается упор на историю сопротивления оккупантам. Один из сюжетов сопротивления, относящийся к литовскому отряду Плехавичюса, который больше всего проявил себя в боях с Армией Крайовой и поляками Вильнюсского края, был связан с немцами. Но объяснить этот сложный фрагмент истории только антипольской трактовкой нельзя: Плехавичюс и члены его военного отряда надеялись с помощью немцев использовать позднее созданную ими структуру в боях за независимость Литвы, но, поняв, что эти планы неосуществимы, по инициативе Плехавичюса приняли решение о расформировании [22]. Несмотря на включение в культуру памяти Литвы этого антипольского эпизода, безоговорочное почитание в Литве истории сопротивления оккупантам напоминает аналогичное почитание Армии Крайовой в Польше.

Еще более проблематично однозначное возвышение партизанского сопротивления как высшего проявления общей борьбы литовцев за независимость после Второй мировой войны. И на самом деле, длившееся почти десять лет после 8 мая 1945 года сопротивление советизации Литвы — довольно уникальное явление в истории Европы XX века. Желая почтить этот исторический феномен и символ партизанской войны, власти Литвы десять лет тому назад присвоили звание генерала одному из руководителей партизанского движения Адольфасу Романаускасу-Ванагасу, а в 2009 году другого героя, Йонаса Жемайтиса, назвали главой Литовского государства, фактически выполнявшим во время оккупации обязанности президента.

Можно удивляться такому историческому нигилизму представителей власти Литвы, за которым скрывается явное желание сакрализации некоторых эпизодов прошлого. Ведь не следует забывать, что из-за отчасти неправильно выбранной тактики партизанской войны, направленной против процесса советизации Литвы, от рук участников сопротивления погибло больше гражданского населения, чем от представителей репрессивного советского аппарата [23]. По этой причине память о партизанской войне является типичным примером конфликтующей памяти. Попытки сакрализации этого факта прошлого и утверждения его в культуре памяти Литвы больше дезинтегрируют само общество, нежели интегрируют его.

О партизанском сопротивлении в Литве следует упомянуть в связи с еще одним обстоятельством. В Литве в последнее время много пишется о созданной бывшим президентом России Д. А. Медведевым комиссии «исторической правды» [24]. Тон таких публикаций однозначно отрицательный. А тем временем в Сейме Литовской Республики подготовлен проект закона, предусматривающий уголовное наказание за клевету на литовских партизан [25]. А разве этот проект закона не напоминает так осуждаемый повсеместно за пределами России закон Медведева? Такое двуличие культуры памяти свойственно не только Литве, но и Польше.

Отметим, что похоже сконструированы культуры памяти Германии и России. Хотя в России особо акцентируется элемент победы в Великой Отечественной войне, в этом нарративе не обходится и без комплекса жертвы — такой образ создается при помощи привлечения внимания к факту изоляции России от остального мира накануне Второй мировой войны [26]. В Германии же хотя и акцентируются Холокост и вина немцев, но как антипод этим центральным сегментам культуры памяти выдвигается тема сопротивления немцев национал-социализму [27].

Сравнительный анализ культур памяти Литвы, Польши, России и Германии

Как уже было отмечено, желая лучше понять тонкость использования эпизодов прошлого в общественном пространстве, необходимо обсудить важность не только памяти, но и культуры памяти. Последнюю, как было показано ранее, нужно считать коренящейся в ранних эпохах и уже потерявшей культурно-политическую актуальность, но до сих пор оказывающей сильное влияние на общественную ориентацию в настоящем.

Проблема культуры памяти, ее роли в обществе является до сих пор почти не исследованным вопросом. По этой причине она достойна более детального изучения. На данный момент возможен обмен первыми мыслями по этой проблеме.

Для анализа культуры памяти очень хорошо подходит случай Литвы. Социологические исследования, проведенные в последнее десятилетие XX века [28], а также анализ названий улиц, осуществленный после 1990 года [29], показывают, что на тот момент «золотые времена великих князей» были центральной фигурой в культурной памяти Литвы. Схожие наблюдения можно найти у западных авторов, создавших теорию «возвращения к нормальности». Расширив ее, можно было бы увидеть, что «возвращение к нормальности» означало и возрождение довоенной культуры памяти Литвы.

Не секрет, что созданная на основе средневековых сюжетов межвоенная культура памяти Литвы была сильно ориентирована на тогдашнюю действительность: ее антипольская направленность и вопрос «освобождения Вильнюса» были центральными точками опоры этой культуры памяти. Главным героем, который должен был реализовать надежды, обозначенные культурой памяти, был Великий князь литовский Витаутас. В этой фигуре были олицетворены чаяния литовцев защитить литуанизм от угрозы полонизма, князь также назывался первым освободителем Вильнюса [29]. Конструкцию культуры памяти межвоенной Литвы, теперь называемой культурой воспоминания, еще больше запутало то обстоятельство, что до третьего десятилетия XX века доминировал другой национальный нарратив, основанный на представлениях национального возрождения и борьбы за независимость Литвы. С четвертого десятилетия XX века он потерял актуальность, все же не до такой степени, чтобы быть совсем стертым из межвоенной культуры памяти. Хотя великие литовские князья и были основными героями, деятели национального возрождения и создатели национального государства в XIX — начале XX века были продолжателями их дел. Структурно культура памяти межвоенной Литвы акцентировала комплекс жертвы, однако через личность Витаутаса в ней был сильно выражен и момент сопротивления, более всего наблюдаемый в отчасти светском празднике [30], в центре которого оказалась несостоявшаяся коронация Витаутаса Великого. Центральный акцент праздника: Витаутас хотел создать отдельное от Польши государство, но этому помешали поляки — лучше всего не только показывает соотношение между сопротивлением и жертвой в памяти культуры межвоенной Литвы, но и характеризует ее содержание.

Постепенную трансформацию межвоенной культуры памяти Литвы предопределила изменившаяся геополитическая ситуация Литовской Республики после 1990 года. Польша уже не была врагом Литвы, а после подписания межгосударственного договора в 1994 году страны даже стремились к стратегическому партнерству. Это обстоятельство имело большое влияние на ход дальнейшей трансформации межвоенной культуры памяти и ее превращение в культуру воспоминания. Полное игнорирование исторических проблем Вильнюса в общественном пространстве является только одним из факторов, подтверждающих подобные процессы. Тем самым можно сказать, что зарубежная политика Литвы способствовала изменению памяти страны и изменению литовской идентичности, и этот фактор в проблематике памяти и культуры воспоминания не следует игнорировать.

Гораздо сложнее анализировать содержание культуры памяти нынешней Польши. По этому вопросу не было проведено исследований, и некоторые наблюдения можно сделать, только основываясь на работах, не связанных напрямую с данной темой. Но целый ряд фактов указывает на то, что в Польше наряду с памятью большую роль играет и культура памяти. Об этом свидетельствуют не только узаконенность государственного праздника, посвященного Конституции 3 мая 1791 года, и другие государственные празднования событий, связанных с более ранними эпохами, чем XX век, но и частые ссылки на «идеи Ягеллонов и Пястов», в первую очередь в дискуссиях по вопросам зарубежной политики [31]. Уже только из-за таких индикаторов данную проблему не следует игнорировать при исследовании польской памяти и культуры воспоминания.

В первой половине XX века тогдашняя культура памяти Польши также пережила несколько трансформаций. Исторические события конца XVIII века, восстания XIX века и в особенности история Тадеуша Костюшко часто использовались для мобилизации общественности, особенно крестьян, на новые сражения за независимость Польши [32; 33]. Но, наряду с этим молодым историческим прошлым, в качестве факторов, побуждающих к патриотизму, вспоминались Люблинская уния 1569 года и Конституция 3 мая [34]. Хотя после восстановления Польского государства в 1918 году эти темы отодвинул на второй план миф Пилсудского [35], окончательно свою значимость они не потеряли. Часть относящихся к Средневековью тем, особенно на восточных окраинах Польши, была интегрирована в уже упомянутый национальный миф Пилсудского [36], другая их часть теперь функционировала как сегмент культуры памяти.

Одним из таких сегментов была Грюнвальдская битва 1410 года, сыгравшая в начале XX века еще более важную роль, нежели накануне восстановления Польши между мировыми войнами. Торжества 1910 года в Кракове, кроме всего прочего, должны были продемонстрировать не только стремление к восстановлению Польского государства, но и то, в каких границах это должно было произойти. Правда, тогда, когда на торжества отказались приехать делегации Литвы и Украины, декларация о восстановлении государства обоих народов, можно сказать, была не совсем убедительна [37], но это событие, по утверждению известного польского историка Генриха Самсоновича, послужило формированию общей ягеллонской идеи [38] и становлению ее как одной из главных тем формирующейся польской культуры памяти начала XX века.

Актуализация идеи Ягеллонов относится к первой половине XIX века. Она апеллирует к временам республики двух народов и удачной внешней политике на востоке объединенных Польского и Литовского государств, в результате которой это государство относительно мирным способом увеличилось, в первую очередь за счет территории теперешней Украины [39]. В межвоенной Польше считали, что эта идея принадлежит Юзефу Пилсудскому, она получила еще одно дополнительное значение, на этот раз ориентированное на внутреннюю политику Польши. Через идею Ягеллонов воспринималось видение федеративного Польского государства, которое противостояло концепции унитарного государства Романа Дмовского, сформировавшейся после Первой мировой войны [40] под названием идеи Пястов, и своим названием соотносившейся со средневековой эпохой в Польше. И хотя известно, что позднее идеи Пястов и Ягеллонов еще раз поменяли свой смысл и сегодня соответствуют синонимам западной или восточной политики, недостаток исследований культуры памяти Польши не позволяет произвести ее точную классификацию, как это было сделано в случае с Литвой. Тем не менее представленных здесь примеров достаточно для вывода о том, что в культуре памяти Польши образы более раннего, чем XX век, прошлого играют весьма важную роль.

Этого нельзя констатировать при анализе случаев России и Германии, которым свойственно исключительное доминирование культуры памяти. В России, правда, в последние годы, особенно с введением нового государственного праздника 4 ноября, все большее внимание уделяется прошлому царской эпохи, однако остается неясным, изменят ли эти начавшиеся процессы сложившуюся сейчас ситуацию в

российской культуре памяти. В Германии, несмотря на происходящие изменения культуры памяти, последняя все же в основном концентрируется вокруг событий Второй мировой войны. Таким образом, Германия и Россия относятся к типу государств и обществ с «короткой» памятью, а Польша и Литва — с «долгой». Нужно отметить, что первые две страны не являются исключением в мировом контексте, хотя обществ с «короткой» памятью в мире немного. Эта специфика культуры памяти лишь доказывает важность событий 1945 года для Германии и отчасти для России.

По отношению к последней нужно сделать некоторую оговорку, связанную с трансформацией, произошедшей в культуре памяти России после 1990 года [41]. До 1990 года, как хорошо известно, в этой стране главной датой, имеющей самое большое влияние на культуру памяти, было 7 ноября 1917 года. Современное сильное акцентирование в России мифа Победы связано в первую очередь с преемственностью некоторых традиций и стремлением отказаться от коммунистического прошлого.

Указанные типологические различия в использовании прошлого, как можно предположить, оказывают влияние на международные отношения. Хотя нельзя утверждать, что обществу с «короткой» памятью свойственна ограниченная свобода маневрирования в этих отношениях, тем не менее этот фактор имеет значение, в частности, в отношениях России с Литвой и Польшей и наоборот, когда прошлое использовалось почти исключительно для углубления межгосударственных конфликтов. Тесная связь культуры памяти с общественной идентичностью позволяет сделать вывод о том, что смягчение межгосударственных отношений между воображаемыми врагами связано и с необратимыми изменениями в самой идентичности. Так, смена тона в российско-польских отношениях после катастрофы под Смоленском дает основание надеяться не только на новый этап их развития, но и на открывающуюся для исследователей культуры памяти возможность наблюдать, насколько обоснованным является тезис о взаимовлиянии внешней политики и национальной идентичности.

Пер. с литовского *Виолетты Лопетене*

Список литературы

1. *Berek M. Gutes oder schlechtes Erinnern? Die Notwendigkeit des Politischen in der Erinnerungskultur // Erinnerungskultur und Versöhnungskitsch. Marburg, 2008.*

2. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 2002.
3. Staliūnas D. Savas ar svetimas paveldas? 1863–1864 m. sukilimas kaip lietuvių atminties vieta. Vilnius, 2008.
4. Langewiesche D. Unschuldige Mythen: Gründungsmythen und Nationsbildung in Europa im 19. und 20. Jahrhundert Kriegserfahrung und nationale Identität in Europa nach 1945. Paderborn, 2009.
5. Csáky M. Die Mehrdeutigkeit von Gedächtnis und Erinnerung. URL: <http://www.vifaost.de/texte-materialien/digitale-reihen/handbuch/handb-mehrdeutigk/> (дата обращения: 25.08.2011).
6. Niedermüller P. Der Mythos der Gemeinschaft, Geschichte, Gedächtnis und Politik im heutigen Osteuropa // Umbruch im östlichen Europa. Die nationale Wende und das kollektive Gedächtnis. Innsbruck, 2004.
7. Hansen I. Die politische Planung der Erinnerung. Geschichtskonstruktionen in Belarus zwischen Konflikt und Konsens // Osteuropa. 2008. Jg. 58. H. 6.
8. Dmitrow E. Erinnerung und Verschweigen des Warschauer Aufstandes in Deutschland, Polen und der Sowjetunion/Rußländische Föderation // Verflochtene Erinnerungen. Polen und seine Nachbarn im 19. und 20. Jahrhundert. Köln etc., 2009.
9. Miodek M. «Das ist ein neuer Ribbentrop – Molotov Pakt!» Eine historische Analogie in Polens Energiedebatte // Osteuropa. 2009. Jg. 7–8.
10. Vitkus H. Antrojo pasaulinio karo pabaigos Rytų Prūsijoje recepcija Rusijos istorinėje politikoje // Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos. Klaipėda, 2009.
11. Scherrer J. Siegesmythos versus Vergangenheitsaufarbeitung // Mythen der Nationen. 1945 Arena der Erinnerungen. B., 2005. Bd 2.
12. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Bonn, 2007.
13. Трагедия Литвы, 1941–1944 : сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2007.
14. Biuro bezpieczeństwa narodowego, Propaganda historyczna Rosji w latach 2004–2009, Warszawa, 16 wrzesnia 2009 r. URL: http://www.bbn.gov.pl/portal/pl/2/1840/Zaktualizowana_wersja_analzy_BBN_quotPropaganda_historyczna_Rosji_w_latach_2004.html (дата обращения: 15.07.2011).
15. Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks Polski» i obszar ULB // Kultura. 1974. №9 (324).
16. Nikžentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje // Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje. Šiauliai, 2007.
17. Траба P. Польские споры о истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. №3–4 (46).
18. Vareikis V. Gajūs mitai, arba Kas «atvadavo» Klaipėdos kraštą // Kultūros barai. 2008. №4.

19. *Troebst S.* Europäisierung der Vertreibungserinnerung? Eine deutsch – polnische Chronique scandaleuse 2002–2008 // *Verflochtene Erinnerungen. Polen und seine Nachbarn im 19. und 20. Jahrhundert.* Köln etc., 2009.
20. *Loew P. O.* Helden oder Opfer? Erinnerungskulturen in Polen nach 1989 // *Osteuropa.* 2008. Jg. 58. H. 6.
21. *Steffen K.* Ambivalenzen des affirmativen Patriotismus. Geschichtspolitik in Polen // *Osteuropa.* 2006. H. 11–12.
22. *Ar vertas siuolaikinio ordino 1926 m. perversmininkas Povilas Plechavičius.* URL: <http://www.balsas.lt/naujiena/261560/ar-vertas-siuolaikinio-ordino-1926-m-perversmininkas-povilas-plechavicius> (дата обращения: 03.06.2011).
23. *Pocius M.* Kita mėnulio pusė. Lietuvos partizanų kova su kolaboravimu 1944–1953 metais. Vilnius, 2009.
24. *Russland kämpft. Gesetz und Kommission gegen Geschichtsfälscher* // *Osteuropa.* 2009. Jg. 59. H. 7–8.
25. *Čyvas T.* Kai kurie istorikai sutartų su Vladimiru Žirinovskiu. URL: <http://balsas.lt/naujiena/319014/> (дата обращения: 03.06.2011).
26. *Данилов А.А.* История России 1900–1945 : методическое пособие. 11-й класс. М., 2008.
27. *Wolfrum E.* Geschichtspolitik und deutsche Frage. Der 17. Juni im nationalen Gedächtnis der Bundesrepublik (1953–1989) // *Geschichte und Gesellschaft.* 24. 1998.
28. *Štutiniėnė I.* Tautos istorijos mitai Lietuvos gyventojų sąmonėje // *Istorinė sąmonė ir istorijos didaktika.* Vilnius, 1997.
29. *Nikžentaitis A.* Vytauto kultas Lietuvoje XV–XX a. ir jo atspindys paminkluose // *To paties, Vytauto ir Jogailos įvaizdis Lietuvos ir Lenkijos visuomenėse.* Vilnius, 2002.
30. *Sirutavičius V.* Šventės nacionalizavimas. «Tautos šventės» atsiradimas Lietuvos Respublikoje in Lietuvių Atgimimo istorijos studijos. T. 17 : Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.). Vilnius, 2001.
31. *Strachota K.* Polska Piastow contra Polska Jagiellonow // *Tygodnik powszechny.* 28.12.2009. URL: <http://tygodnik.onet.pl/35,0,38779,1,artykul.html> (дата обращения: 01.02.2010).
32. *Ziejka F.* Złota legenda chłopów polskich. Warszawa, 1984.
33. *Molenda J.* Obchody rocznic kościuszkowskich wspót organizowane przez ludowców – koniec XIX w. – 1918 r. // *Kościuszko – powstanie 1794 r. – tradycja.* Warszawa, 1997.
34. *Kiaupa Z.* Švenčianti, Stanislovo Augusto laikų Lietuva // *Viešosios ir privačios erdvės XVIII amžiaus Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje.* Vilnius, 2008.
35. *Heidi H.* Der Pilsudski – Kult und seine Bedeutung für den polnischen Staat 1926–1939. Marburg, 2002.
36. *Mačiulis D., Nikžentaitis A., Safronovas V.* Simbolinis daugiakultūrio miesto užvaldymas: Kauno, Klaipėdos ir Vilniaus atvejai (straipsnis rengiamas spaudai) // *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūris miesto paveldas.* Vilnius, 2009.

37. *Petrauskas R., Staliūnas D.* Die drei Namen der Schlacht: Erinnerungsketten um Tannenberg/Grunwald/Žalgiris // *Verflochtene Erinnerungen. Polen und seine Nachbarn im 19. und 20. Jahrhundert.* Köln etc., 2009.

38. *Samsonowicz H.* Grunwald // *Polityka.* 2010. №4.

39. *Konopczyński W.* O idei jagiellońskiej. URL: <http://www.omp.org.pl/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=615> (дата обращения: 24.05.2010).

40. *Serczyk J.* Die Wandlungen des Bildes vom Deutschen Orden als politischer, ideologischer und gesellschaftlicher Faktor im polnischen Identitätsbewußtsein des 19. und 20. Jahrhunderts // *Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden. Die Rezeption und die Wirklichkeit.* Torun, 2001.

41. *Langenohl A.* Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des Neuen Russlands. Göttingen, 2000.